

15. Федулов, А.В. Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Междунар. «круглого стола», Черновцы, 21–23 сент. 2006 г. / под ред. д-ра юрид. наук, проф., засл. деят. науки РФ В.М. Баранова, д-ра юрид. наук, проф., засл. юриста Украины П.С. Пацуркивского, канд. юрид. наук Г.О. Матюшкина. Н. Новгород : Нижегород. исслед. науч.-приклад. центр «Юрид. техника», 2007.

16. Хлынцов, М.Н. Криминалистическая информация и моделирование при расследовании преступлений / под ред. В.Г. Власенко. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1982.

С.В. Рыбак, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук

О НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО

Несовершеннолетние участники уголовного процесса в силу своих возрастных особенностей не всегда могут реализовать предоставленные им права. В этой связи отечественный законодатель предусмотрел систему дополнительных гарантий, призванных наиболее полно обеспечить защиту их прав и интересов. Одной из таких гарантий является участие законного представителя в производстве по уголовному делу. Вместе с тем в рамках действующей модели правового регулирования положения законного представителя существуют резервы, позволяющие усовершенствовать уголовно-процессуальное законодательство.

С момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 г. прошло более 10 лет. Это время характеризуется не только активной деятельностью компетентных государственных органов, направленной на имплементацию качественно новых, отвечающих мировым стандартам процессуальных требований в практику правоприменителя, но и трудоемкой работой по совершенствованию норм, устранению ряда пробелов и недостатков в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. В подтверждение этого достаточно сказать, что с момента принятия УПК в него вносились изменения и дополнения 27 раз. Заслуживает высокой оценки и научная активность белорусских ученых в рассматриваемый период. Трудно найти ту область правоотношений, урегулированных нормами УПК, которая не подверглась бы тщательному анализу, а нередко и обоснованной критике со стороны научного сообщества. Все эти действия направлены на оптимизацию законодательства с целью создания более благоприятных условий для реализации задач уголовного процесса.

В настоящее время повышенное внимание к себе привлекает проблема обеспечения прав несовершеннолетних участников уголовного процесса, составной частью которой являются вопросы, касающиеся роли и процессуального статуса законного представителя подозреваемого, обвиняемого.

Законный представитель относится к участникам уголовного процесса, защищающим представляемые права и интересы. Понятие законного представителя содержится в п. 8 ст. 6 УПК. В соответствии с данной нормой законные представители – родители, усыновители, опекуны, попечители подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, потерпевшего или гражданского истца; представители организаций, на попечении которых находятся подозреваемый, обвиняемый, лицо, совершившее общественно опасное деяние, потерпевший или гражданский истец. Нетрудно заметить, что в определении исследуемого участника процесса законодатель отступает от традиционной конструкции, не предусматривая необходимость признания законного представителя таковым путем вынесения постановления (определения) органом, ведущим уголовный процесс. В ч. 1 ст. 56 УПК данное обстоятельство выделяется при помощи связки слов «законными представителями... являются...». Во второй части этой же статьи говорится о признании в особых случаях законным представителем органа опеки и попечительства. И, наконец, полную сумятицу в понимание анализируемых норм вносят п. 3 и 4 ст. 56 УПК, где говорится уже о признании и о допуске к участию в производстве по уголовному делу в качестве законного представителя. Такая непоследовательность законодателя вызвана смешением понятий «законного представителя» как категории гражданского, брачно-семейного права, характеризующей факты родства, усыновления, оформления опеки или попечительства и связанные с этим правоотношения, и «законного представителя» как участника уголовного процесса. В первом случае законный представитель призван обеспечить «всестороннюю гарантированную защиту государством и обществом детства, семьи и материнства нынешнего и будущих поколений». Его полномочия легализуются в одном из следующих документов: свидетельстве о рождении, подтверждающего факт происхождения детей от конкретных родителей; доверенности, выданной администрацией учреждения или организации, на попечении которых находится представ-

ляемое лицо; правовом акте органа власти об установлении опеки и попечительства или юридическом акте, устанавливающем усыновление. Процедура юридического оформления представительства никак не связана с уголовно-процессуальными правоотношениями, а решение о признании законным представителем принимает государство в лице уполномоченных органов. В данном случае законных представителей может быть несколько: двое родителей, усыновителей, попечителей и т. д. В уголовном процессе законный представитель у несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого может быть только один (ч. 3 ст. 56 УПК). Он является полноправным участником соответствующих правоотношений, реализует строго определенную функцию, для чего наделяется кругом прав и обязанностей. Законный представитель допускается к участию в уголовном процессе, как и большинство иных субъектов уголовно-процессуальной деятельности, имеющих собственный интерес в деле, решением органа уголовного преследования, суда.

Анализ УПК показывает, что в одних случаях законодатель ведет речь о законном представителе в его общегражданском понимании (п. 8, 28 ст. 6, ч. 1 ст. 56, п. 1 ч. 4 ст. 57, ст. 433, ч. 1, 2, 4 ст. 436, ч. 2 ст. 437 и т. д.), а в других – об участнике уголовного процесса (ч. 2, 3, 5 ст. 56; ч. 1–3 ст. 57 и т. д.). При этом указания на то, в каком значении употребляется исследуемая дефиниция, отсутствуют. Обозначенный пробел вносит разногласия в понимание данных норм правоприменителем и негативно влияет на соблюдение законности при их применении. Для решения этой проблемы необходимо оптимизировать определение законного представителя, приведенного в п. 8 ст. 6 УПК и привести в соответствие с ним иные нормы УПК.

Согласно одному из требований, предъявляемых к дефинициям в праве, «определяющее должно содержать существенные признаки определяемого, т. е. такие, в которых выражается сущность определяемого предмета, явления или процесса» [7, с. 38]. В нашем случае это назначение и роль законного представителя при производстве по уголовному делу. Законодательное закрепление и практическая реализация норм, регламентирующих участие законного представителя в уголовном процессе, является внешним выражением (формой проявления) сущности данного участника, т. е. его явлением. Всякое правовое государство должно стремиться к тому, чтобы в нормативном закреплении конкретного явления как можно точно и емко отражалась его сущность, а соответствующие отношения между личностью, обществом и государством были максимально к ней близки. В исследуемом понятии законный представитель определяется посредством перечисления лиц, которые могут выступать в его качестве. Законодатель тем самым упускает саму первопричину появления данного участника процесса, т. е. то, что побуждает и на чем основывается орган, ведущий уголовный процесс, при принятии решения о его допуске в уголовное судопроизводство. Изложенное позволяет утверждать, что в определяющей части рассматриваемого понятия не содержится признаков, выражающих сущность этой процессуальной фигуры. Попытаемся их выделить и оптимизировать рассматриваемую дефиницию.

При анализе перечня субъектов, уполномоченных законом выступать в качестве законного представителя, обращает на себя внимание включение в него представителей организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний. В связи с тем, что ответственность за вред, причиненный преступлением несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, по общему правилу возлагается на законного представителя, видится более правильным наделение соответствующим процессуальным статусом самой организации, а не ее представителя. Гражданский кодекс Республики Беларусь называет попечителем учреждение и возлагает на него обязанность возмещения вреда, причиненного действиями несовершеннолетнего. В соответствии с Кодексом Республики Беларусь о браке и семье попечительство осуществляют руководители детских интернатных учреждений, государственных специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи и реабилитации, государственных учреждений, обеспечивающих получение профессионально-технического, среднего специального, высшего образования. При этом попечительство не назначается, а автоматически приобретает учреждение в момент помещения туда несовершеннолетнего. Руководитель учреждения является его представителем в силу занимаемой должности, поэтому и выполняет попечительские функции от имени учреждения (нами умышленно не рассматриваются правоотношения в области опекунов). Это вызвано тем, что опека устанавливается над несовершеннолетними, не достигшими 14-летнего возраста. Предметом нашего исследования являются нормы, регулирующие правоотношения, возникшие в связи с участием в уголовном процессе несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых. По общему правилу уголовная ответственность наступает с 16 лет, а по ряду преступлений – с 14. В этой связи исключается возможность постановки в положение подозреваемого, обвиняемого лица, не достигшего 14-летнего возраста, а соответственно не может быть наделен процессуальным статусом законного представителя подозреваемого, обвиняемого их опе-

кун). В обозначенных правоотношениях законным представителем будет выступать сама организация, интересы которой может представлять либо руководитель в силу своего должностного положения, либо представитель по доверенности.

Заслуживает критической оценки регламентация возможности признания законным представителем органа опеки и попечительства в ч. 2 ст. 56 УПК, но не включение этого субъекта в определение законного представителя в п. 8 ст. 6 и ч. 1 ст. 56 УПК. В то же время ст. 18 постановления пленума Верховного суда Республики Беларусь (далее – ППВС) от 28 сентября 2000 г. № 7 «О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда» законным представителем называет только родителей, усыновителей и опекунов. Думается, законодатель должен быть более последовательным в данном вопросе.

В ряде норм уголовно-процессуального законодательства регламентируется возможность представления интересов несовершеннолетних осужденного, оправданного (ст. 46, 57, 408, 411, 441 УПК, ст. 20 ППВС от 27 декабря 2007 г. № 12 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального Кодекса, регулирующих кассационное производство», ст. 11 ППВС БССР от 15 марта 1978 г. № 2 «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних», ст. 25 ППВС от 24 сентября 2009 г. № 7 «Об обеспечении права на защиту в уголовном процессе»). При этом соответствующие процессуальные фигуры в качестве самостоятельных участников уголовного процесса не закреплены. Трудно не согласиться с тем, что законные представители осужденного, оправданного реализуют при производстве по уголовному делу функцию защиты, для чего наделяются совокупностью процессуальных прав и обязанностей, а соответственно должны быть поставлены на одну ступень с такими участниками процесса, как законные представители подозреваемого, обвиняемого.

Наиболее важными признаками, раскрывающими сущность законного представителя, являются назначение данного участника процесса и его роль в производстве по уголовному делу. Функция законного представителя обусловлена процессуальным статусом представляемого лица. Законный представитель призван оказывать не только юридическую помощь несовершеннолетнему, но и, в первую очередь, психологическую, своими действиями, советами компенсировать отсутствие у подростка необходимых знаний и жизненного опыта, способность принимать обдуманные и взвешенные решения [3, с. 76]. Говоря о законном представителе подозреваемого, обвиняемого, отдельные авторы называют его «вторым защитником» [1, с. 126]. Разумеется, слово «защитник» в данном случае употребляется в широком смысле. отождествлять правовое положение данных процессуальных фигур было бы неверным.

Определение законного представителя должно раскрывать природу появления данного участника в уголовном процессе. В этом вопросе следует согласиться с О.Х. Галимовым, который подчеркивает отсутствие зависимости факта вступления законного представителя в уголовный процесс от воли и желания представляемого лица. Автор акцентирует внимание на том, что полномочия на представительство законный представитель приобретает не от представляемого, а на основании закона, а соответственно от участия законного представителя в уголовном процессе и оказываемой им помощи несовершеннолетний отказаться не может [2, с. 58]. Орган, ведущий уголовный процесс, также не может повлиять на участие законного представителя в производстве по делу. В его компетенцию входит лишь решение вопроса о выборе конкретного законного представителя (как указывалось выше, в соответствии с ч. 3 ст. 56 УПК только один законный представитель может быть допущен в производство по делу).

Не совсем удачной представляется конструкция ст. 56 и 57 УПК, объединивших в себе процессуальные статусы законного представителя подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, а также потерпевшего и гражданского истца. Данные участники призваны реализовывать противоположные функции в уголовном процессе – защиты и обвинения, соответственно имеют существенные отличия в содержании процессуальных статусов, а поэтому законодателю следует дифференцировать их правовое положение и закрепить в отдельных статьях, отразив особенности, обусловленные реализуемыми направлениями деятельности. В этой связи уточнения потребует и определение законного представителя. Нам видится целесообразным в п. 8 ст. 6 УПК привести общее понятие законного представителя, а в нормах, раскрывающих процессуальный статус законного представителя сторон защиты и обвинения, в определении отразить присущие им особенности.

На основании изложенного предлагаем сформулировать п. 8 ст. 6 УПК следующим образом: законный представитель – родители, усыновители, опекуны, попечители, органы опеки и попечительства, организации, на попечении которых находится недееспособный подозреваемый, обвиняемый, осужденный, оправданный, лицо, совершившее общественно опасное деяние, потерпевший, гражданский истец, которые в силу закона уполномочены оказывать юридическую и иную помощь в реали-

зации прав представляемого и допущены в производство по уголовному делу постановлением (определением) органа, ведущего уголовный процесс.

Немалое прикладное значение имеет проблема выбора конкретного законного представителя органом, ведущим уголовный процесс. Так, в соответствии со ст. 16 закона Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи и реабилитации, круглосуточно принимаются подростки, в том числе проживающие в семьях, находящихся в социально опасном положении, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации и нуждающиеся в социальной помощи и реабилитации. Основанием для помещения в специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной помощи и реабилитации, является и заявление их родителей, усыновителей, опекунов или попечителей. В обозначенных ситуациях возникает проблема двойственности представительства, так как законным представителем в уголовном деле с одной стороны могут выступать родители, усыновители, опекуны, попечители (временное помещение несовершеннолетнего в интернатное учреждение не прекращает их прав и обязанностей), а с другой – само учреждение, в которое помещен несовершеннолетний. Аналогичная проблема возникает в случае назначения органом опеки и попечительства ребенку попечителя с согласия родителей, которые не имеют условий для совместного проживания и воспитания.

Очевидно, что приоритет в подобных случаях должен иметь родитель. Аналогичной точки зрения придерживается и отечественный законодатель. Так, ст. 153 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье при выборе попечителя обязывает предпочтение отдавать родственникам несовершеннолетнего. УПК не содержит прямого указания на приоритет кого-либо в данном вопросе. Вместе с тем в ряде норм активно употребляется оборот «родители или другие законные представители» (ст. 221, 432, 433, 436 УПК). В связи с тем что родители изначально включены в перечень законных представителей, можно предположить, что, выделяя их в указанном обороте, законодатель тем самым составляет приоритеты в выборе субъекта представительства. Таким образом органу, ведущему уголовный процесс, указывается на необходимость рассмотрения вопроса о допуске в производство по уголовному делу в качестве законного представителя в первую очередь одного из родителей. Анализ следственной практики показывает, что в большинстве случаев происходит наоборот: интересы несовершеннолетнего в качестве законного представителя по объективным, а нередко и субъективным причинам родители отстаивать не могут или отказываются, и эту обязанность берет на себя интернатное учреждение, в котором он находится. Таким образом, недобросовестное исполнение родителями своих обязанностей по отношению к несовершеннолетним вынуждает орган уголовного преследования и суд нарушать уголовно-процессуальное законодательство.

Рассматривая ситуацию, когда выбор необходимо сделать среди родственников несовершеннолетнего, следует согласиться с точкой зрения И.А. Макаренко, который предлагает решать вопрос о представительстве «на семейном совете с учетом мнения самого подростка». Если же несовершеннолетний из неблагополучной семьи и его воспитанием никто не занимался, то выбор должен сделать орган, ведущий уголовный процесс. Для этого необходимо побеседовать с самим подростком, собрать информацию об условиях его жизни и воспитания и близких ему лицах путем беседы с самими родителями, соседями по месту жительства, педагогами в школе и участковыми инспекторами ИДН ОВД [4, с. 50].

Анализируя правомочия законного представителя, следует согласиться с отдельными авторами о целесообразности совершенствования ряда норм УПК. Так, В.В. Мелешко справедливо акцентировал внимание на необходимости регламентации права законного представителя давать показания, а не объяснения, замене союза «или» на «и» в п. 8 ч. 1 ст. 57 УПК, несостоятельности права выступать в судебных прениях с речью и репликой только в случае отсутствия у несовершеннолетнего обвиняемого защитника, противоречиях в нормах, предусматривающих право законного представителя на прекращение полномочий защитника [5, с. 37].

Хотелось бы остановиться на праве законного представителя обвиняемого примеряться по делам частного обвинения с лицом, пострадавшим от преступления. Представляется не совсем верным указание на лицо, пострадавшее от преступления. В анализируемой норме законодательно следует говорить о частном обвинителе, так как в соответствии с ч. 3 ст. 426 УПК с момента принятия судом заявления именно этот участник появляется в уголовном процессе.

С одной стороны, примирение по делам частного обвинения возможно после наделения лица процессуальным статусом обвиняемого (п. 5 ч. 1 ст. 29, ч. 4 ст. 427 УПК). В то же время ч. 1¹ ст. 427 УПК обязывает суд направить уголовное дело в отношении несовершеннолетнего обвиняемого прокурору для организации предварительного следствия. По аналогии с ч. 5 ст. 26 УПК производство по

делу с данного момента приобретает публичный характер, а соответственно прекращению за примирением сторон не подлежит. Из этого следует, что возможность законного представителя обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, реализовать декларируемое в п. 4 ч. 2 ст. 57 УПК право отсутствует.

Законодатель связывает допуск законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в производство по делу с первым допросом представляемого (ч. 2 ст. 436 УПК). Следует согласиться с тем, что именно в процессе допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в наибольшей степени актуализируется роль и значение законного представителя как участника уголовного процесса. В ходе данного следственного действия отчетливо проявляется необходимость в оказании психологической и иной помощи допрашиваемому подростку. В этой связи отсутствие специальной нормы, закрепляющей право законного представителя задавать с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, вопросы допрашиваемому негативным образом отражается на возможности в полной мере реализовать функцию защиты прав и интересов представляемого. Не закрепление в УПК данного правомочия, по нашему мнению, является пробелом действующего закона, а не особенностью процессуального положения законного представителя подозреваемого, обвиняемого по сравнению с защитником и педагогом (психологом). Участие законного представителя в допросе не должно сводиться лишь к формальному присутствию. Практика же указывает на то, что приглашение законного представителя на допрос подростка в качестве подозреваемого, обвиняемого и его участие в этом следственном действии обуславливается лишь стремлением соблюсти форму производства по делу, а не обеспечить всестороннюю защиту прав и интересов несовершеннолетнего.

Не менее актуальной является проблема столкновения в ходе производства по уголовному делу интересов законного представителя и представляемого им несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. В соответствии со ст. 15.2 Пекинских правил, компетентный государственный орган может отказать законному представителю в участии в уголовном процессе, если это необходимо в интересах несовершеннолетнего [6]. Отечественным законодательством предусматривается запрет на совершение законным представителем каких-либо действий против интересов представляемого им участника процесса и допускается отстранение законного представителя от участия в производстве по уголовному делу в случае, если действия последнего наносят ущерб интересам подростка (ч. 4 ст. 436, ч. 2 ст. 437 УПК). Таким образом, законодатель не отрицает возможность возникновения противоречий в интересах рассматриваемых участников процесса. Вместе с тем в УПК не определяются критерии, разграничивающие действия законного представителя в интересах и против интересов подростка. Противоречия могут обуславливаться обстоятельствами конкретного дела, а также быть связаны с возлагаемой на законного представителя ответственностью за поведение представляемого, за условия его жизни и воспитания. И если в приведенных выше ситуациях к участию в деле должен быть допущен другой законный представитель, то в случае неявки надлежащим образом извещенного о месте и времени рассмотрения уголовного дела и не заявившего ходатайства об его отложении законного представителя, допускается рассмотрение уголовного дела и в отсутствие данного участника. При этом суд наделяется правом принимать решение о проведении судебного разбирательства в отсутствие законного представителя обвиняемого, не считаясь с мнением самого подростка (в отличие от стадии предварительного расследования). Помимо этого реализация еще ряда правомочий законного представителя не предполагает учета мнения представляемого (п. 2, 4, 5 ч. 2 ст. 57 УПК и др.). Налицо концептуальная несогласованность, непоследовательность законодателя в попытках усилить гарантии защиты прав и интересов несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Европейский суд по правам человека отрицательно относится к отечественным нормам, лишаящим подростка возможности самостоятельно участвовать в уголовном процессе. Нужно понимать, что в связи с определенными ограничениями общей гражданской дееспособности лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, речь не может идти о полной его самостоятельности при производстве по материалам и уголовному делу. Однако в случае столкновения интересов подростка и его законного представителя предпочтение должно отдаваться интересам представляемого субъекта правоотношений. В этой связи назрела необходимость определения путей совершенствования уголовно-процессуального законодательства в данном направлении.

Библиографические ссылки

1. Борисова, Н.Е. Несовершеннолетний в конфликтной ситуации: правовые средства предупреждения конфликта и защиты от него : учеб. пособие / Н.Е. Борисова, Э.Б. Мельникова. М. : Изд-во РГСУ, 2006.
2. Галимов, О.Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве / О.Х. Галимов. СПб. : Питер, 2001.
3. Дикарев, И. Свидетельский иммунитет законных представителей несовершеннолетних / И. Дикарев // Уголов. право. 2009. № 1.

4. Макаренко, И.А. Проблемы участия третьих лиц в процессе расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних / И.А. Макаренко // Вопр. ювен. юстиции. 2007. № 1.
5. Мелешко, В.В. Участие законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого в суде / В.В. Мелешко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2003. № 1 (5).
6. Резолюция 29.11.85 Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 // Совет. юстиция. 1991. № 12–14.
7. Чиннова, М.В. Правила формулирования легального определения / М.В. Чиннова // Право и политика. 2005. № 1.

А.Л. Савенок, заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по учебной работе, кандидат юридических наук, доцент

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

На основе анализа различных точек зрения рассматриваются факторы, влияющие на формирование права. Отмечается, что правообразование в уголовном праве, как и в других отраслях, представляет собой не только собственно правотворческий, но и весь предшествующий ему подготовительный период. Следовательно в процессе формирования права, в том числе и уголовного, можно выделить два этапа: 1) определение объективных потребностей в правовой регламентации общественных отношений; 2) правотворчество, т. е. установление правовых норм. Особо отмечается, что потребность уголовно-правовой регламентации общественных отношений должна быть изучена в установленном порядке и по соответствующим методикам. Своевременное выявление многообразных интересов и их тщательный учет при формировании уголовно-правовых норм способствует повышению эффективности уголовного закона.

Эффективность действия уголовного закона обусловлена многими обстоятельствами, связанными как с самой законодательной деятельностью, так и деятельностью по его применению. При этом особое значение имеет то обстоятельство, насколько точно и всесторонне при подготовке уголовного закона учитывается существующая действительность. Своевременное выявление многообразных интересов и их тщательный учет при формировании уголовно-правовых норм, проведение сравнительного анализа подготавливаемых правовых установлений не только с действующим уголовным законом, но и с иными регуляторами общественных отношений способствует правильному принятию решения по криминализации или декриминализации деяния. Следовательно, как верно отмечает Т.В. Кленова, эффективность действия уголовного закона во многом зависит от того, насколько полно и адекватно в процессе законодательной регламентации учтены объем и специфика регулируемых отношений, оптимален ли выбор методов правового регулирования, соответствует ли содержание предусмотренных в законе норм принципам права [6, с. 3].

В юридической литературе взаимодействие объективных и субъективных факторов общественного развития, обуславливающих право, рассматривается как процесс формирования права (правообразование). Иными словами, это явления общественной жизни, воздействующие в той или иной форме на выявление потребности в правовом регулировании, разработку, принятие, изменение или отмену закона и, в конечном счете, на его содержание [2, с. 153]. Кроме того, к процессу формирования права необходимо относить также деятельность законодательных и иных правотворческих органов.

В отечественной литературе отдельные общетеоретические аспекты проблемы формирования права рассматривались в работах А.Ф. Вишневого, Н.А. Горбатка, С.Г. Дробязко, В.А. Кучинского, С.В. Липеня, Н.В. Сильченко, А.А. Соколовой и др. Что же касается уголовно-правовых исследований, то они ранее в нашей стране комплексно не проводились. Среди российских, а также зарубежных исследователей к данной проблеме в разные годы обращались С.С. Алексеев, В.М. Баранов, В.П. Казимирчук, И.Ф. Казьмин, В.А. Леванский, А.В. Мицкевич, А. Нашиц, С.В. Поленина, Б.П. Спасов, В.В. Степоян, Ю.А. Тихомиров, Р.О. Халфина и др. Уголовно-правовые аспекты изучались Н.Б. Алиевым, Т.В. Кленовой, В.Н. Кудрявцевым, П.С. Гоболкиным, А.М. Яковлевым и др. В целом учеными разработан ряд положений, имеющих как теоретическое, так и большое практическое значение. В то же время необходимость дальнейшего изучения факторов, влияющих на формирование права, а также значительное повышение требований к принимаемым уголовно-правовым нормам требуют проведения новых исследований по проблемам правообразования.

Законодательная деятельность в области уголовного права эффективна, если она соответствует разрешению задач, обозначенных в ст. 2 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Уголовный закон должен четко определять границы преступного и наказуемого. Формула закона, говорящая о том, кто, за что и в каком порядке может быть привлечен к уголовной ответственности, одновременно (в негативной форме) указывает и на то, за что, в каких случаях и при каких условиях привлечение к уголовной ответственности исключается. Такова двусторонняя функция процесса криминализации